

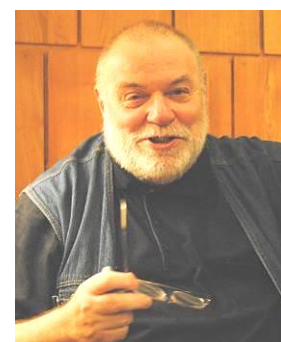
УДК 141

Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет,
Музей космического искусства им. Н.К. Рериха,
Карельское отделение Ассоциации Музеев Космоса, г. Петрозаводск, Карелия

ЗАМЕТКИ О БОРИСЕ ГРИГОРЬЕВЕ

Отзыв на диптих: Антипова Р.Н. Псковская выставка Бориса Григорьева 1989. + Каталог псковской выставки Бориса Григорьева 1989. / [В 2 т.]. – М.: Астрей-центр, 2015г. 216 с. + 216 с.

I

Это издание – как двухпролётная псковская звонница: в колокола памяти ударяет Римма Никандровна Антипова.

Церковь Старое Вознесение в Пскове. 1467 г.

Двадцать семь лет назад тщанием этой подвижницы в славном городе Плесков состоялась первая – для советской системы отсчёта – выставка Бориса Дмитриевича Григорьева.

Глухой осенью 1919 г. великий мастер на утлой лодчонке пересек Финский залив – навсегда покинул Россию. За спиной – Териоки, впереди – Берлин. Вместо скарба – четыре холста, свёрнутых в рулоны: их продажа поможет начать новую жизнь. 1919 – 1989: провал в семь десятилетий – трагический разрыв.

Борис Дмитриевич Григорьев (1886–1939). Автопортрет.

Псковская выставка чудодейственно восполнила обиднейшую лакуну. Это было знаковое – воистину эпохальное – событие. Оно внесло свой весомый вклад в крушение тоталитарной идеологии. Что такое выставки на шкале времени? Увы, эфемериды! Собираются годами – демонтируются за сутки.

О диптихе Р.Н. Антиповой можно сказать так: это своеобразное *воскрешение* давней выставки – задача ей новой формы существования. Аналога этой акции нет.

II

Два портрета григорьевской кисти – Уолта Уитмена и Николая Рериха – на псковской выставке 1989 г. висели рядом. Соседство не случайное! Унисоны тут глубокие, сущностные. Это прежде всего планетарность мышления – охват всей Ойкумены в её многоединстве. Но ведь и Николай Клюев с его «Белой Индией» просится в этот ряд. И сам Борис Григорьев! Мастер писал Марии Дмитриевне Врангель: «*А знаете ли Вы, баронесса, что дорожку русскому искусству это я проторил первый, начиная от Берлина до самой Огненной Земли*» (Антипова, 2015. С. 194).

Амплитуда у Бориса Григорьева – как у полярной крачки: почти дуга Земного шара. Завить уютное гнездо ему удалось-таки. *Borisella!* Звучит так же загадочно и романтично, как моя любимая *Амаравелла* – однако семантика в данном случае вполне прозрачна. Расположенная недалеко от элитарной Ниццы, вилла веет на нас покоем и благополучием. Трудно она далась художнику. Завяз в долгах. Казалось: всё рухнет. И вдруг – приглашение в Чили. Землю там здорово трясло. А потом политический переворот случился. Пришлось возвращаться восвояси. Причём не солоно хлебавши. Но выдюжил! Достроил *Бориселлу*. В ней и почил много раньше всех разумных сроков. Там долго жил – и свято хранил наследие отца – сын Кирилл. Римма Никандровна бывала в *Бориселле*. Творчески общалась с Кириллом Борисовичем. Как бы подхватила и закрепила нить связи. Повела нам много интересного.

Псков – Бориселла – Сантьяго: удивительный треугольник выстраивается при чтении монографии. И не он один! Высвечивается сложная сеть связей. Южноамериканский зигзаг оставил в судьбе художника ярчайший след. Русское искусство в лице Бориса Григорьева открыло для себя целый континент. Вот отрывок из путевого письма Н.Н. Евреинову: «*Шоколадно-кофейно-янтарные лица, руки, ноги, а одежды цвета сахарной земляники и бирюзы*» (Антипова, 2015. С. 183). Великолепный язык! Поражает словесная цветопись.

III

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.*

Нынешние лже-патриоты не простили бы этих строк М.Ю. Лермонтову. Тогда как подлинная любовь не исключает пристрастного – порой резко критического – отношения к своему предмету. Приведём пару цитат из писем Бориса Григорьева.

– Баронессе М.Д. Врангель: «*Люблю я только Россию – её же и ненавижу за людей, за климат, за звериное начало. Но запах её люблю, но искусство её, музыку и слово. И Вас в ней люблю! И больше всего ненавижу самого себя!*» (Антипова, 2010).

– Поэту В.В. Каменскому: *«Целую тебя, брат и поэт, и верный мне друг и приятель Вася, Васинька, Васютка, а иногда и Васька. Кланяюсь Родине моей в самые ноги и люблю её и ненавижу, за это и кланяюсь»* (Антипова, 2015. С. 181).

Развивается – очень индивидуально, неповторимо – известный мотив: *амбивалентность* в отношении к отечеству. Экзистенциальные напряжения здесь могут зашкаливать. Два великих цикла мастера – «Расея» и «Лики России» – изнутри распираемы ими. Характерна неоднозначность в их оценке. Кто-то восхищался – кто-то негодовал.

Вот забавный эпизод из жизни тех лет. Журнал «Пламя» напечатал в 1919 году (№ 58) десять рисунков Бориса Григорьева. Публикация вызвала резкий протест «Союза деревенской молодёжи» из д. Лихинюки Гомельской губернии. Разве деревня такая? В нападках на мастера была задействована эстетическая категория *безобразного*. Но в рисунках *прекрасного* всё-таки больше!

При чтении текста Р.Н. Антиповой у меня возникла неожиданная ассоциация: перед мысленным взором встал – полный, законченный – «*Реквием*» Павла Корина. Борис Григорьев тоже писал *Русь уходящую*. Но взял другое её сечение – деревенское, крестьянское. У Павла Корина – вместе – смирение и героика. Вера удерживала в рамках стоического самообладания.

Борис Григорьев – иной характер. Совсем иной! Тут мы найдём самоиронию – и напад, отчаянье – и сарказм. Это похоже на ёрничество? Это пародийное? Понятны элементы гротескности. Однако со временем ностальгия как бы приглушает их. При эволюции от «Расеи» к «Ликам России» усиливается серьёзность – эпичность – звучания. То, что вчера могло быть встречено чуть ли не с издёвкой, сегодня подвергается идеализации. Ведь теперь художник пишет по памяти. А за нею давно замечена склонность хорошее фиксировать надёжнее плохого.

Если вернуться к эстетике, то вот категория, наиболее точно схватывающая мироощущение мастера, взятое в развитии: нарастает – выходит на первый план – *трагическое*. Поначалу – мы это видели – *трагикомическое*. Усмешка есть форма самозащиты? Исподволь юморное вымывается – вытесняется – голой болью.

Знаменитый образ девочки с косичками: он переходит из работы в работу – настойчиво взывает к себе, не оставляя в покое. Это своего рода доминанта. Или лейтмотив. А ещё – символ. Символ России, конечно: мы ведь много слышали о её женственной природе – софиологию впитали едва не с молоком матери.

Что бы сказал психоаналитик, глядя на этого подростка? Душевная травма налично. Но воля к бытию не потеряна. Как если бы над Россией совершили надругательство. Однако не сломали её. Девчушка 1917 г. – и женщина 1923 г.: похоже, что это одна персона – запечатлённая в разном своём возрасте.

Вспоминается Андрей Вознесенский:

*Меня пронизывают волны
высокой, голубой воды.
Твои, Россия, сны и войны
и дикой девочки черты.*

*Кто жёг тебя в татарских станах?
Чьих стай маячили крыла?
Ты рано женщиною стала
и свет нелёгкий обрела.*

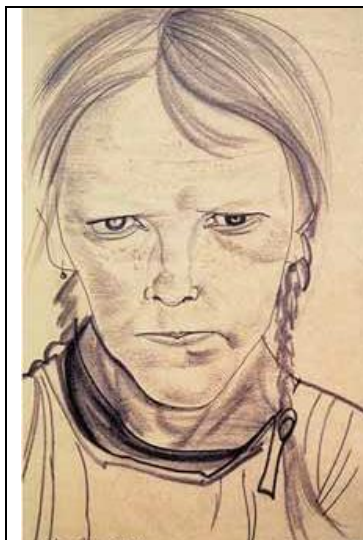
У Бориса Григорьева этот благодатный свет всё же берёт верх над летейской тьмой. Нет манихейского паритета. Но нет и розовых иллюзий, что эта пря однажды прекратится.

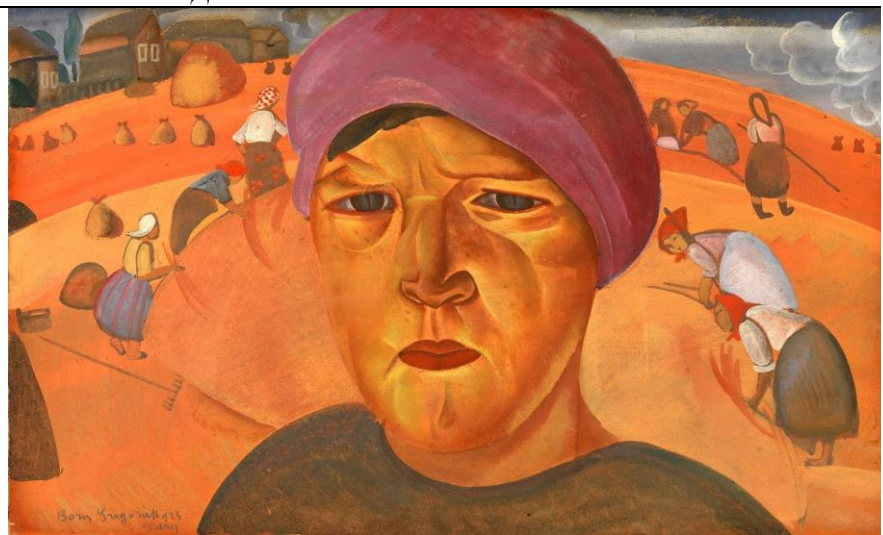
Крестьянская земля. 1917.

Деталь

*Крестьянская девочка.
1917.*

Крестьянка. 1923.

IV

Я очень люблю Бориса Григорьева и Михаила Бахтина. Но специально ими не занимаюсь. Поэтому не знаю, есть ли работы, где сопрягаются эти явления. Связь между ними на виду. Скажем пафосно: она вопиет о себе. Борис Григорьев – человек карнавальской культуры, чей феномен открыл Михаил Бахтин.

В исследовании Р.Н. Антиповой исчерпывающе раскрыт наиважнейший период в жизни художника – его сотрудничество с этнографом Е.А. Бурцевым. Борис Григорьев изначально был близок к стихии народной жизни. Е.А. Бурцев углубил и закрепил эти контакты уже на научной основе. Нарботанное мастером под эгидой выдающегося этнографа помогает уловить – непосредственно ощутить – карнавальский дух в космосе русского крестьянства.

Прямых отсылок к нашей теме мы здесь не найдём. К примеру, в работе 1911 г. «Прохожие» изображён человека с маской, но отсюда никак нельзя заключить, что это ряженый. Тем не менее, бурцевские циклы – взятые целокупно, обобщённо – как бы переносят нас в атмосферу и Святки, и Масленицы. Корни мастера уходят в мир архетипов. Зримо он проступает в двух взаимосвязанных картинах – «Баловни. У дедушки в гостях» (1912) и «Дедушкина могила» (1912–1913).

Праотцы наши! Пращуры! Без подпитки с их стороны не было бы русского модернизма. Достаточно вспомнить Сергея Конёнкова или Алексея Ремизова. Почему над прахом дела возвышается такой огромный крест? Скорее обетный, чем могильный! Приём гиперболы тут имеем свои основания в бессознательном.

Сейчас уместно вспомнить замечательную книгу В.Ф. Миллера «*Русская Масленица и западно-европейский Карнавал*» (1884). Смех не знает границ. Смех – космополитичен. Европейские карнавалы и маскарады: русский художник Борис Григорьев стал их самозабвенным поэтом. Сколько бурлескных картин было создано на эти мотивы? Вихри красок, поднятые мастером, не улягутся никогда. Борис Григорьев любил священные камни Европы. Любил дух свободы. Конечно же, ему было известно кредо Уолта Уитмена, звучащее в переводе Корнея Чуковского так:

*Одного я пою, всякую простую отдельную личность,
И все же Демократическое слово твержу, слово "En Masse".*

Думаю, что он без оговорок принял бы первую строчку – а со второй наверняка бы поспорил.

Вот ещё одна цитата из письма В.В. Каменскому: «*Чихать я хочу на стадо, да и на пастуха*» (Антипова, 2015. С. 181). Персонализм художника вполне оправдан. Жить в советских тисках он не мог. Европа спасла его талант. Истинный петербуржец не может не быть истинным европейцем. Загадочно – и ведь пророчески, с неисповедимой актуальностью – звучит сказанное Борисом Григорьевым о смерти Сергея Есенина: «*Потом я услышал о его ужасной казни над собой... Я подумал: Есенин погиб потому, что не мог ни понять, ни принять Европы. Все, кто не смогут сделать этого, – погибнут*» (Брешко-Брешковская, 1917). Ведь сбудется! Бездонный смысл заключён в этих словах. Читая их, чувствуешь трепет и оторопь: страшно за Родину. Изоляция погубит её. Надо вспомнить петровы заветы.

От «*Ликов России*» – к «*Лицам мира*»: горизонт мастера неуклонно расширялся. Всемирная отзывчивость: это качество Борис Григорьев обнаруживает с впечатляющей наглядностью. Прочитируем Осипа Мандельштама:

*Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых ещё воронежских холмов
К всечеловеческим, ясным в Тоскане.*

Заменяем мандельштамовские *холмы* – григорьевскими *снопами*. В «Крестьянской земле» они видятся почти у окоема. Может показаться, что мастер, уже находясь в изгнании, навёл на них чудодейственный бинокль – и у него получилась такая картина:

Снопы. Середина 20-х гг.

Но это Европа. Крестьянство русское – и крестьянство бретонское: для художника это как бы одна общность. Земля роднит. Везде и всюду она – и колыбель, и могила. Если так можно выразиться, то космополитизм у Бориса Григорьева – почвенный, крестьянский. Как и у Н.А. Клюева. Поэт читал Ш. Бодлера и П. Верлена в подлиннике. Борис Григорьев учился у Запада. Вот как он ответил на вопрос, который ему задал французский искусствовед Луи Воксель: «*Наши учителя? Сезанн, Ван Гог, Лотрек, Матисс, Пикассо, Дерен*» (Галеева, 2007. С. 117).

Конечно, сюда надо добавить и М. Вламинка. В данном интервью Борис Григорьев сознательно выделил вполне определённую – достаточно узкую – часть своего художнического спектра. Он испытал разнообразные воздействия. Нелишне в данном контексте вспомнить Андреа Мантенью.

Ряд, который мы сейчас построили, может показаться спорным, но диссонансов в нём нет. Об этом говорят впрямую: русский *фовизм* – и ранний Борис Григорьев как его блистательный представитель. А ведь большая проблема! Особенно если вспомнить, что Феофан Грек в своих новгородских фресках – законченный *фовист*. И мезенские прялки расписывали самые что ни на есть настоящие *фовисты*! Они дают фору самому Раулю Дюфи. Где всемирное – где коренное: это у Бориса Григорьева конвергирует.

V

Ржаной – любимый эпитет Николая Клюева:

*Мы – ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные.*

Или ещё:

*Не для тебя, мой василёк,
Смола терцин, устава клещи,
Ржаной колдующий Восток
Тебе открыл земные вещи.*

Борис Григорьев тоже любил это прилагательное. Вот два примера:

– В память поэта: «*Я написал Есенина — хлебным, ржаным*» (Григорьев, 2008).

– Николаю Рериху: *«Если мой колорит – ржаной, то Ваш – каменный»* (Антипова, 2015. С. 167).

Слово *ржаной* несёт в себе синестезию: и цвет передаёт – и шум ржи – и конское ржание. Очень русское слово! На палитре Бориса Григорьева много *золотисто-жёлтого – медвяного – ржаного*. Это цветовые частоты России.

«Песнослов» Николая Клюева я имею с ранних лет. Портрет поэта, открывающий первый том, не подписан. Честно скажу: авторства Бориса Григорьева не подозревал.

Портрет в «Песнослове». 1919.

Николай Клюев – пастырь. 1920.

Вообще попросту не думал об этом – изначально привык к анонимности. И вот – выставка 2011 г. в ГРМ: встреча с григорьевским портретом 1920 г. стала для меня откровением. Потрясением! Тогда-то и дошло: в «Песнослове» – тоже Борис Григорьев. Наверно, и раньше читал об этом – но запомнил: не задело. А тут будто лазурное окно распахнулось в Олонию! Художник любил наш край. Писал его поля и лики. В шутовском стихотворении он пишет о том, как брёл однажды *«вытегорским красным летом»* – и вдруг повстречал скомороха. Вытегра – родина Н.А. Клюева. Скоморох – не он ли?

Поэт сочувствовал эсерам. Тянулся у ним! Душой партии была Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934). Её называли *«Бабушкой русской революции»*. Как ветеран, она была избрана в сенъорен-конвент Временного Совета Российской Республики. Открывая его заседание 7 октября 1917 г., она сказала ясно и непреложно: *«Надо понять, что никакими маленькими пластырями эту историческую нужду не вылечишь, а пора помириться с мыслью, что земля перейдёт к народу»* (Брешко-Брешковская, 1917).

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская стала центральной фигурой в эпическом творении Бориса Григорьева «Лики мира».

Лики мира. 1929–1931.

Полотно-криптограмма! Многое в нём остаётся неразгаданным. Выбор героев, связи между ними: кто объяснит подоплёку? Что-то пророческое чудится мне в творении Бориса Григорьева. Это послание? Адресат находится в будущем? Нам дано строить лишь предварительные догадки?

Владимир Михайлович Зензинов так вспоминает легендарную женщину: «У неё было простое крестьянское лицо, по-крестьянски — “рогами” — повязанный на голове платок, веселые глаза. — “Фу, засиделась!” — воскликнула она и, к величайшему моему удивлению, положив руки на бока, прошлась по всей комнате, притоптывая ногами, как в русской плясовой. Это была Бабушка. В ней были простота и прямота, которые сразу смывали все условности, все перегородки» (Зензинов, 1953).

Чисто григорьевский персонаж! Помещая Екатерину Константиновну в средоточье своего Универсума, художник дал выход сокровенным — основополагающим — архетипам. София! Мать Мира! Мать-Сыра-Земля! Все эти смыслы вобрал в себя образ эсерки, болевшей за крестьянство — посвятившей ему жизнь. Художник видел в ней родное, бесконечно близкое. Эсером был Александр Керенский. И Виктор Чернов. Когда бы эти честные и умные люди повели Россию! История решила иначе.

Борис Григорьев проголосовал — не прямо, а всей своей жизнью — за крестьянскую партию в нашем русском раскладе. Думается: он был прав в своём выборе.

Служение Риммы Никандровны Антиповой памяти великого художника прекрасно. Труд её жизни — диалогия, инициировавшая написание этого отзыва — видится мне как одна из вершин отечественного искусствознания.

Список использованной литературы

Антипова Р.Н. Псковская выставка Бориса Григорьева 1989. М.: Астрея-центр, 2015. 216 с.

Антипова Р.Н. Переписка Бориса Григорьева с баронессой Марией Врангель // Новый Журнал (Нью-Йорк). 2010. № 261 (<http://drupal.newreview.webfactional.com/content>).

Брешко-Брешковская Е.К. // Воля Народа. 1917, 8 октября.

Галеева Т.А. Григорьев Борис. Русские художники. XX век. СПб.: Золотой век, Художник России, 2007. 480 с.

Григорьев Б. Моя встреча с Сергеем Есениным. Публикация Субботина С.И. // Наше наследие. 2008. № 87 (<http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/grigorev-b-moia-vstrecha-s-sergeem-eseninym>).

Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. 240 с. (<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3223442>).

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор техн. наук Р.Н. Ковалев.